

«Это будет новая глобализация по-китайски»

Чтобы понять, что происходит «в отношениях с Китаем», мы должны понять, что в отношениях с Китаем вообще ничего не происходит. Точнее говоря, происходит то же самое, что уже много раз происходило. Сегодня мы можем говорить о волне нео-ориентализма. Когда-то ориентализм начинался с того, что в британских домах появлялись тарелочки, вазы и картины, доставленные из Китая, а Петр Первый выписывал себе китайские кабинеты. Но это был декоративный Китай. Так и сейчас на протяжении десятков лет накапливались псевдо-знания о Китае, с которыми можно столкнуться на каждом шагу. Но «фэншуй», по которому мы расставляем мебель, не имеет ничего общего с китайской системой фэншуй, а миф о Шаолине у нас в голове не сочетается с тем, что в реальности Шаолиньский монастырь давным-давно превратился в коммерческий музей под открытым небом.

Точно так же российские бизнесмены, украшая кабинеты фарфором династии Мин, жили в пространстве виртуального Китая. Отчасти это объясняется тем, что Китай действительно тщательно транслирует о себе абсолютно неправдоподобную картинку. В России было открыто 18 институтов Конфуция – это заведения, которые патронируются китайским правительством и рассказывают о Китае таким, каким они хотят его показать. Это, кстати, больше, чем где-нибудь в мире на единицу площади страны, впрочем деятельность четырех, была приостановлена в последние годы. Но и когда вы приезжаете в Китай, вас стараются прежде всего очаровать – гостеприимством, вкусной едой, богатой историей и красотой природы. 15 тысяч российских студентов сегодня обучаются в Китае, это сопоставимо с тем, сколько китайцев учится в России, и подавляющее большинство хочет остаться еще на один-два годика, зачарованные этой страной. Тем не менее, как только с Китаем потребовалось реально работать, он оказался совсем другим, и выяснилось, что для

такой работы не хватает ни экспертного понимания, ни экспертной поддержки. Грубо говоря, бизнесмену не с кем проконсультироваться, как с китайцами выстраивать поэтапно взаимоотношения, как вести переговоры и как там заключают договор, чтобы он, в конце концов, исполнялся.

И они шли туда с западными стереотипами и матрицами только чтобы убедиться, что они там не работают.

Миф о «развороте на Восток» великолепен в декларативных документах и на переговорах. Но в экономике есть критерий – деньги. А у нас торговля упала на 35%. Мы пытаемся выкрутиться, говоря, что падение – лишь в ценовом выражении, а в товарном отношении – рост. Но вообще-то мировая экономика не тоннами мыслит, она мыслит абсолютными деньгами.

Нам надо было отрезвиться по поводу Китая и понять, что Китай далеко не во всех случаях воспринимает Россию как равного партнера. Китай вообще никого не воспринимает как равного себе партнера. Китайская концепция мира очень простая. Китай дает возможность всем азиатам и не-азиатам сформировать общий мир. Он готов финансировать строительство дорог, прочей инфраструктуры, логистических складов. Но китайское лидерство при этом будет неоспоримым, а китайская цель должна стать общей целью. Эта матрица приоритета китайской политической культуры, утвердившаяся еще в эпоху Хань, а может быть еще раньше. И матрица взаимоотношений, которая воспроизводится с некоторыми вариациями в разные эпохи. Сегодня в нее хорошо уложились отношения с Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном, то есть с ближайшими азиатскими соседями. Но наше сознание не азиатское. Мы не понимаем такой тип отношений. А дело в том, Китай своим подчиненным территориям, которые признавали лидерство китайского императора, всегда платил больше, чем получал оттуда налогов. Он был готов оплачивать их лояльность. Лежащий во многих климатических зонах и во многом самодостаточный, Китай не стремился к добыче, он стремился к власти. Он и сегодня, и завтра готов платить странам, которые признают в нем лидера. Зачем ему это?

Китайская экономика растет, она нацелена и на Восточную, и на Юго-Восточную Азию. Как следствие, Китай должен хеджировать политические и экономические риски. А для этого он стремится получить контроль над любой страной, которая к нему прилегает. Иначе все это дело рухнет.

Россия смогла избежать такого рода подчинения и уступки лидерства Китаю. Сколько бы мы ни ругали российскую политику, в этом случае мы выкрутились. Исходной ошибкой было, отвернувшись от Запада, пойти в Китай с незащищенным тылом. И 2014, 2015 года в наших отношениях были провальными, потому что Китай понял: Россию на Западе никто серьезно не поддерживает. Ему нет антитезы. Поэтому Китай начал навязывать нам свою инициативу Шелкового пути, под участие в которой подписалось уже более 30 стран. В ответ Россия внезапно предложила, на мой взгляд, экономически бессмысленную вещь, которая при этом четко сработала с точки зрения идеологии. Это идея «сопряжения» Экономического пояса Шелкового пути и Российских проектов (точнее проектов ЕАЭС). Любой экономист вам объяснит, что есть совместные предприятия, но в экономике нет понятия «сопряжения». По сути, имелось в виду: «давайте сопряжемся с вами и поделим прибыль». Китайцы обиделись, конечно. Россия отказалась стать частью китайского проекта. Ну, Россия – не Казахстан. Отсюда и перемены: отношения стали максимально прагматичными.

Одновременно произошло охлаждение нашего бизнеса к Китаю. Крупнейшие российские инвесторы, которые готовы были переключиться на Китай, побывав там несколько раз и проведя переговоры, пересмотрели свои намерения и пошли дальше: в Юго-Восточную Азию, в Индонезию, развивать отношения с Сингапуром. Откуда возникло такое разочарование? Они были уверены, что китайские проекты заработает быстро, например, за полгода. Но в Китае средний срок прохождения даже успешного проекта – около года. К тому же крупный российский бизнес повелся на целый ряд китайских доброжелательных жестов, которые сами по себе еще ничего не значат. Китай очень любит создавать разные совместные ассоциации, группы, корпорации. И за два года, насколько я помню, в Китае побывало почти 500 российских

бизнес-миссий, которые отправлялись знакомиться с китайскими бизнесменами. И чем все это заканчивается? У вас после возвращения в Россию – масса визитных карточек на столе, и, казалось бы, о многом поговорили, но совершенно не понятно, что дальше делать.

Я не знаю ни одной реально успешной ассоциации по взаимодействию с Китаем. Потому что логика взаимодействия там совсем другая: это долговременный и монотонный процесс выстраивания личных связей и отношений.

Надо осмыслить, что мы общаемся не просто с другим бизнес-сообществом, а с другой цивилизационной сущностью, у которой абсолютно другие матрицы выстраивания контактов, другие устремления, а главное, другая цель в отношении нашего взаимодействия. Как только мы начнем это осмыслять, нам станет легче и проще с Китаем.

Как китайцы мыслят, что такое для китайцев переговорный процесс? Это вопрос исключительно времени. Надо долго, методично вести переговоры о чем угодно, пока вам не надоест. Надо выяснять все мельчайшие детали и особенности бизнес-процессов, а тем временем держать в голове мысль о том, как бы сделать этот проект без вас. В этом случае китайское сознание очень простое: либо вам надоест и вы сломаетесь, либо мы уйдем к другому и обойдемся без вас, но уже с новыми и подробными знаниями. Почему неудачно вообще идут торговые контакты? Китайцы порою просто не слышат вашего предложения. Формально выслушав его, они приходят уже со своим предложением и методично его продавливают. Или слышат ваше предложение, говорят «да», перерабатывают его и выдают совсем другое, не похожее на исходное. Этот принцип может звучат немного цинично: «варвар» не может мыслить разумными экономическими терминами приоритета китайской выгоды. Ну так мы и покажем «варвару», как ему сделать и правильно, и удобно, а если вы не следуете этому предложению, то вы просто не понимаете своего счастья. И каждая экономическая конференция, где выступают китайцы, начинается с того, что они к нам – «со всей душой», а

мы зачем-то ставим им барьеры, не понимая, насколько нам будет здорово.

Но понимать нужно не только китайскую тактику, еще важнее понимать китайские стратегические интересы. Посмотрим, что представляет собой Новый Шелковый путь. Это не расписанный подробно проект, это скорее инициатива, которая регулярно трансформируется под обстоятельства. У этой инициативы есть ряд измерений: политическая интеграция, финансовая, экономическая, инфраструктурная и т.д. Пока китайцы развивают экономическое измерение. Но суть в том, что в конечном счете – это новая глобализация по-китайски. И более того, это новый тип колонизации. Если раньше колонизация шла с Запада на Восток, то сейчас она должна пойти с Востока на Запад. Так задумывает Китай. Почему идея прорабатывается именно сейчас, а реализовываться будет на протяжении многих десятилетий? Китай сегодня заметно подорожал. Китайские товары теряют конкурентность из-за роста себестоимости их производства, из-за роста зарплат, социальных выплат. В то же время внутренний рынок с точки зрения потребления уже не столь эффективен, и Китаю нельзя замыкаться внутри себя. А чтобы вывозить товары за рубеж, нужно удешевлять логистику. Для этого необходим контроль над инфраструктурой, чтобы поставки были надежны (поэтому, кстати, китайцы столь много говорили о необходимости российских государственных гарантий по поводу дороги «Пекин-Москва» с ее первым участком «Москва-Казань»). Из всего этого и вырастает китайская концепция глобализации.

А на вопрос, почему нет точного поэтапного плана развития Шелкового пути, китайское руководство отвечает просто. Потому что план – это вещь застывшая. А Китай – очень гибкая структура.

Вот мы все время и будем ориентироваться на то, как изменяется ситуация. Ситуация изменилась – и мы тут же изменились. Вы предложили что-то интересное – и мы тут же поменяли свой проект. Китайцы сознательно не вводят свой проект в жесткие рамки, чтобы не было отторжения этого проекта и предметной

критики по нему.

Вообще китайцы считают, что современный мир плохо устроен. Это все время озвучивает китайское руководство, говоря, что мир несправедлив. Западные державы выработали мировую систему и законы внешнего для Китая мира. А китайцев обделили куском пирога. Китайцев не пускают в мировому дележу финансов. А они говорят, это несправедливо, давайте это пересмотрим. И доля правды у них есть. А самое главное, что эта риторика откликается в сердцах рядовых китайцев. Надо вернуть Китаю извечный статус-кво, то есть центральное положение в мире и полагающееся этому величие. Поэтому в Китае на каждом перекрестке висит лозунг «Китайская мечта». Что такое китайская мечта? Американская мечта – это понятно: вы приехали в Америку с 5 долларами в кармане и через какое-то время стали миллионером. А китайская мечта, она не индивидуальна. Она общественная: мы все вместе, пока есть драйв, пока есть деньги, пока есть разумный руководитель, должны продвигаться вперед, мы должны все стать богатыми. Еще несколько лет назад никакие особые лозунги по этому поводу были не нужны, так как не просто формальная отчетность, но повседневная жизнь показывала рост благосостояния. Но уверенность в этом уже дает сбой и у китайцев чувство единства через эту идею начинает таять. Потому что когда китайская экономика росла со скоростью 9-11% ВВП, всем было весело, а сейчас ситуация другая. Серьезный кризис нарастает в Китае, который может привести к краху китайской экономики. И многие начинают думать теперь о себе, о своем спасении своих капиталов и своей семьи.

В чем глобальная китайская проблема? В Китае государство является первичным и конечным кредитором всего, что происходит. Деньги берутся у государства и отдаются, в конце концов, тому же государству. Мы знаем, как банки в Китае устроены. Они все равно упираются в Народный Банк и в ряд крупнейших, связанных с ним напрямую банков, их там 3-4, которые контролируют все крупнейшие финансовые и инфраструктурные проекты своими кредитами. При этом практически отсутствует реальная конкуренция на банковском уровне. То есть первое – это абсолютно устаревшая финансово-

экономическая система управления Китаем, которая не может реагировать на новые экономические вызовы. Понимает ли это Си Цзиньпин? Уверен, что он это понимает лучше нас. Но сейчас начать менять систему управления экономикой – значит подвергнуть Китай риску. Конечно, китайское руководство понимает, что управляет страной в период естественного замедления роста экономики, но надо еще рассчитать, как и за счет чего экономика дальше будет развиваться. Япония нашла для себя выход: она расширила высокотехническое производство, а потом начала его перемещать в тот же самый Китай и другие страны для его удешевления. Китай тоже пытается сокращать нерентабельное устаревшее товарное производство, расширять высокотехнологическое производство и перемещать частично свое производство в Индонезию, в Малайзию, в Индию. Но когда полтора миллиарда населения будут жить при темпах роста, как сейчас у Японии, то есть в районе 1-2 %, могут быть социальные изменения. По всему Китаю каждый год происходят выступления на социальной почве. Необходимо обезопасить политическую структуру.

Если мы посмотрим на китайскую борьбу с коррупцией, руководство Китая бьет по чиновникам, которые попытались создать свои региональные кланы. А ведь именно из-за усиления местных кланов исторически разваливался единый Китай.

Поэтому я думаю, что сейчас политика и экономика в Китае сошлись вместе. Так получилось, что Си Цзиньпин правит в этом историческом периоде. Он должен выкрутиться, а выкрутиться сложно, потому что экономика падает, деньги переводят за рубеж – ежемесячно официальный отток из Китая составляет 100 миллиардов долларов и выше. Сразу возникает вопрос: а за счет чего выкручиваться? Но если он за свой третий срок, в котором сомнений мало, успеет найти выход – все будет нормально. Не успеет – получим обвал Китая по полной программе.